

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93

Дата поступления: 30.05.2023
рецензирования: 17.06.2023
принятия: 25.11.2023

Милитаризованная окружающая среда в нарративах и практиках русского медицинского персонала Первой мировой войны

А.С. Лихачева

Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: likhacheva.yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0683-8464>

Аннотация: На основе анализа индивидуальных нарративов и экспертных материалов, созданных русскими врачами и сестрами милосердия в период оккупации Галиции в годы Первой мировой войны, в статье предполагается реконструировать модели восприятия враждебной окружающей среды и практики ее освоения медицинским персоналом. Обращение к эго-документам позволяет выявить малоизученные аспекты взаимодействия человека и природы в условиях первой индустриальной войны. С одной стороны, природные условия являлись важнейшим фактором деятельности врачей и сестер милосердия: особенности климата, почвы и воды определяли мероприятия по медицинскому обеспечению фронта, оккупированных областей и прифронтовой территории. С другой стороны, основанные на конструировании негативного образа чуждой природы эпидемиологические практики оказывали непосредственное воздействие на состояние окружающей среды: дезинфекция источников воды, почвы и воздуха, распространение санитарной и гигиенической инфраструктуры. В связи с этим восприятие бelligерентных ландшафтов и их конструирование, использование образов окружающей среды в коммуникации медиков укладывается в обширный спектр мотивов и форм: природа как жертва индустриальной войны и предмет сострадания, природа и населяющие ее живые существа как пространство эпидемиологической опасности, природа как объект потенциального контроля средствами дезинфекции.

Ключевые слова: экологическая история; Первая мировая война; Галиция; эго-документы; индивидуальные нарративы; медиализация; оккупационный дискурс.

Цитирование. Лихачева А.С. Милитаризованная окружающая среда в нарративах и практиках русского медицинского персонала Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-28-35>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лихачева А.С., 2023

Александра Сергеевна Лихачева – старший преподаватель кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, 150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.05.2023
Revised: 17.06.2023
Accepted: 25.11.2023

Militarized environment in narratives and practices of Russian medical personnel of the First World War

A.S. Likhacheva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: likhacheva.yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0683-8464>

Abstract: Based on the analysis of individual narratives and expert materials created by Russian doctors and nurses of mercy during the occupation of Galicia in the First World War, the article intends to reconstruct the models of perception of the hostile environment and the practice of its mastering by medical personnel. The appeal to ego-documents allows revealing little-studied aspects of the interaction between man and nature in the conditions of the first industrial war. On the one hand, natural conditions were the most important factor in the activities of doctors and nurses of mercy: the peculiarities of climate, soil and water determined the activities on medical support of the front, occupied regions and frontline territory. On the other hand, epidemiological practices based on the construction of negative images of alien nature had a direct impact on the state of the environment: disinfection of water, soil and air sources, and the spread of sanitary and hygienic infrastructure. In this regard, the perception of belligerent landscapes and their construction, the use of environmental images in the communication of medical professionals fit into a wide range of motifs and forms: nature as a victim of industrial warfare and an object of compassion, nature and the living beings inhabiting it as a space of epidemiological danger, nature as an object of potential control by means of disinfection.

Key words: Ecological history; World War I; Galicia; ego documents; individual narratives; medicalization; occupation discourse.

Citation. Likhacheva A.S. Militarized environment in narratives and practices of Russian medical personnel of the First World War. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 28–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-28-35>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Likhacheva A.S., 2023

Alexandra S. Likhacheva – senior lecturer of the Department of Methods of Teaching History and Social Sciences Disciplines, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1, Respublikanskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation.

Введение

Столкновение армий Первой мировой войны с милитаризованной окружающей средой нашло широкое отражение в профессиональных и личных нарративах участников конфликта. Особым полем институционального и индивидуального взаимодействия с чуждой и поэтому воображаемо опасной природой для русской армии выступил длительный опыт оккупации Галиции (1914–1915, 1916–1917). В русской военной пропаганде принадлежность австрийской провинции к Российской империи обосновывалась не только этническим родством и историческим прошлым, но и общим пространственным измерением, «протivoестественностью» существующих политических границ. Через формирование воображаемых пространств и ментальных карт провозглашалось потенциальное общее будущее. Однако сама местность, позитивно описываемая в публицистических материалах в перспективе будущей интеграции, в эпидемиологическом ракурсе оценивалась как источник эпидемий, включая зараженное население, особенно если речь шла о т. н. «еврейских местечках». Населенная родственными русинами австрийская провинция, где венские власти намеренно поддерживали нищету и запустение, нуждалась в помощи и культивировании со стороны Российской империи как отсталая в санитарно-медицинском плане территория.

Особую группу носителей опыта галицийской оккупации составили военные медики: корпусные доктора, сестры милосердия, врачи оккупационной администрации, а также эпидемиологи, специально приглашенные из столичных университетов. Во-первых, особенности природы и климата провинции влияли на практическую деятельность медицинского персонала: малоизвестные штаммы болезней, высокая вероятность распространения инфекций при плотности размещения комбатантов, отсутствие данных об источниках воды. Во-вторых, бегство на запад австрийских медиков, более осведомленных о санитарно-медицинских угрозах в Галиции, минимизировало возможности трансфера знаний для русских специалистов. С одной стороны, это закрепляло сформированные еще до оккупации представления, с другой – требовало собственных эпидемиологических исследований. В-третьих, в отличие от солдат и офицеров, медики соприкасались непосредственно с местным населением, у них была возможность плотного про-

фессионального контакта с жителями Галиции. Наконец, на примере именно этой профессиональной группы военных появляется возможность проанализировать женский взгляд на войну и природу, чего лишены другие источниковые массивы о пребывании русских армий в Галиции.

На основе анализа индивидуальных нарративов, созданных врачами и сестрами милосердия Юго-Западного фронта в период оккупации австрийской провинции Галиция, в статье предполагается реконструировать модели описания беллигеративных ландшафтов и практики их освоения медицинским персоналом. В чем состоит специфика восприятия окружающей среды представителями данного профессионального сообщества? Какое влияние эти конструкты оказали на практики очищения и демилитаризации пространств, какой опыт был перенесен на послевоенные контексты?

Медицина, война и экология: состояние исследований и методологические подходы

Междисциплинарный характер предмета исследования делает необходимым анализ нескольких тематических полей исследовательского ландшафта, включая военную историю, историю военной медицины, экологическую историю, исследования дискурсов и индивидуальных нарративов.

Публикации по истории военной медицины Первой мировой войны традиционно представляют собой реконструкцию институциональных дискурсов, попытки оценить эффективность предпринимавшихся мер, выяснить целесообразность их переноса на другие конфликты. В коллективной монографии «История военной медицины» [Будко и др. 2006], помимо особенностей развития военного здравоохранения, подробно освещается организация медицинского обеспечения армии и флота, профилактических мероприятий в войсках. Деятельность медицинских служб представлена в свете безапелляционного профессионального успеха и эффективного противостояния административным и ведомственным дефицитам.

Эпидемиологический ракурс галицийской оккупации обозначается в статье А.Б. Асташова [Асташов 2021, с. 27–37]. Автор считает, что рост числа инфекций на фронте и на прифронтовой территории был во многом спровоцирован климатическими условиями и загрязнением естественных объектов (почвы, водоемов) последствиями

военных действий. Однако он также отмечает, что санитарные методы – благоустройство могил, дезинфекция воды, почвы и воздуха, развитие санитарной инфраструктуры – выступали частью «оккупационных» практик: обеспечивали сотрудничество русских военных и гражданских властей с местными медиками, а также населением Австро-Венгрии.

Ключевым посылом бурно развивающегося в последние годы исследовательского направления экологической истории является тезис том, что природный мир – это не просто фон, на котором разворачиваются исторические события, это динамическая сила, соучаствующая в процессах созидания и развития [Александров, Брюггемайер, Лайус 2008]. Й. Радкау среди прочих факторов, определяющих практики взаимоотношения человека и природы, особо выделяет страх населения перед инфекциями и эпидемиями [Радкау 2014]. В концептуальных исследованиях экологической истории отмечается, что вопрос влияния Первой мировой войны на окружающую среду недостаточно изучен [Kreuder-Sonnen, Renner 2013].

Исследователь нарративов медиков Первой мировой войны М. Хигонне отмечает, что в своих письмах, дневниках и отчетах военные врачи уделяют преимущественное внимание психологическим травмам комбатантов, соперечивают состоянию их здоровья, подчеркивают мужество военнослужащих. По мнению автора, данная нарратологическая стратегия является доминирующей, но не единственной, напротив, список исследовательских вопросов к текстам медиков должен быть расширен. Идее о разнообразии исследовательских перспектив при изучении нарративов военных медиков созвучна концепция С. Зонтаг. Она подчеркивает, что на протяжении XIX в. наблюдался тренд «называть болезнью любую ситуацию, которую человек не одобряет» [Sontag 1978, p. 74]. Он способствовал увеличению влияния медицинских дискурсов на явления повседневности.

Данная статья исходит из тезиса, что пропагандистский образ галицийской природы в самом начале войны вступил в противоречие с непосредственными переживаниями оккупации: окружающая среда в целом и ее отдельные элементы подверглись антропоморфизации и были интегрированы в образ врага. Колониальное по своему характеру представление же медиков об отсталости провинции и связи эпидемиологических угроз с природой и климатом выступало в этой ситуации как более подходящий образец толкования. Восприятие военным командованием и оккупационной администрацией паролей медикализации природы и их интеграция в ведомственный язык и практики создавали структуры воображаемого контроля над ситуацией. Соответствующий индустриальной эпохе технократический подход к обеспечению эпидемиологической безопасности окружающей среды распространился на практики оккупации. Индивидуальные нарративы медиков,

находившихся в Галиции в этот период, позволяют выявить конфликтные стороны этого процесса, реконструировать эффекты медикализации оккупированных пространств, их окружающей среды и населения.

С пером и скальпелем: военные медики Юго-Западного фронта Первой мировой как авторы нарративов

В данной статье анализируются письма Фридриха Оскаровича Краузе (1887–1973 г.), дневники Василия Павловича Кравкова (1859–1920 гг.), Ивана Антоновича Арямова (1884–1958 гг.), Флоренс Фармборо (1887–1978 гг.), Лидии Захаровой (даты жизни не установлены).

Некоторые из авторов анализируемых нарративов имели специализированное военно-медицинское образование: В. Кравков – выпускник Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге – в 1891 г. получил степень доктора медицины. Не менее статусное образование имел Ф. Краузе, окончивший медицинский факультет Московского университета. Их взгляд дополняется свидетельствами И. Арямова, не получившего полного медицинского образования, мобилизованного на фронт Первой мировой войны с V курса медицинского факультета Московского университета. Профессиональная подготовка к работе в полевых госпиталях и лазаретах сестры милосердия Ф. Фармборо ограничивалась полугодовым курсом, сравнительно короткой практической деятельностью в тыловом госпитале для раненых солдат и сдачей экзамена в Обществе Красного Креста. В исследовании используются также изданные в 1915 г. дневниковые записи сестры милосердия Л. Захаровой. Ее подробной биографии пока не найдено, в реконструкции довоенного опыта данного автора мы можем лишь опираться на представления о распространенных механизмах попадания на фронт сестер милосердия. Кроме того, необходимо учитывать факт публикации нарратива Захаровой в условиях военной цензуры и пропаганды.

Для анализа восприятия милитаризированной природы важен предшествующий опыт исследуемой группы врачей и сестер милосердия. Долгое время специализировавшийся на военной медицине, Кравков имел огромный стаж работы в качестве младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка и 159-й пехотного Гурийского полка, старшего врача Оренбургского местного батальона, Казанского военного госпиталя, руководителя полевым госпиталем в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Довоенная карьера Краузе не была связана с военными подразделениями и ограничивалась работой врачом-ассистентом в Морозовской городской детской больнице. Ракурс восприятия беллигеративных ландшафтов Галиции кадровыми врачами расширяется за счет впечатлений Фармборо, не имевшей опыта военной или медицинской службы, прибывшей на Восточный

фронт добровольно и занимавшейся до войны обучением воспитанниц английскому языку в качестве гувернантки.

Степень соприкосновения авторов с реальными боевыми действиями на территории Галиции и их последствиями различна. Кравков прибыл на Юго-Западный фронт в августе-сентябре 1914 г. в составе XXV армейского корпуса и стал свидетелем Галицийской битвы. Позже он занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии и корпусного врача нескольких армейских корпусов. Свои дневниковые записи он создавал с 1914 по 1917 г. В полной мере с милитаризованными ландшафтами столкнулся Краузе, в мае 1915 г. назначенный старшим врачом летучего санитарно-дезинфекционного отряда и командированный на фронт в Восточную Галицию. Его будничная деятельность на данной территории заключалась в обеспечении санитарно-эпидемического благополучия армии, предотвращении и борьбе с эпидемиями. Осуществление данных функций было связано с частыми перемещениями по ходу наступления и отступления армии (Радзивиллов, Броды, Радехов, Дубно), о чем свидетельствуют его письма из Галиции своей невесте, отправленные в период с 1914 по 1917 г. Арямов прибыл в Галицию в качестве зауряд-врача (категория военнослужащих Российской императорской армии, которая была задействована при недостатке соответствующего персонала в условиях военного времени) и находился там на протяжении 1914–1915 гг., фиксируя свои наблюдения в личном дневнике. Профессиональный функционал зауряд-врача ограничивался выполнением простейших медицинских процедур и несложных операций. Сестры милосердия Фармборо и Захарова работали в госпиталях за линией фронта, осуществляя медицинскую помощь раненым. Их нарративы были созданы также непосредственно во время боевых действий, отражая наблюдения в жанре дневника. Записи Фармборо датируются 1914–1918 гг., в то время как текст Л. Захаровой был опубликован уже в 1915 г.

Необходимо уточнить смысл исследовательских и источниковых дефиниций «природа» и «окружающая среда». Представляется, что природа в ее естественном (первобытном) состоянии не может быть зафиксирована в письменных и визуальных источниках, т. к. само присутствие человека и антропогенное воздействие историзируют ее и превращают в «окружающую среду». Признавая конструктивность данного подхода, стоит все же оговориться, что в изучаемых нами источниках под природой часто понимается затронутая разрушительным воздействием войны среда, включающая в себя реки, горные массивы и «дикие» леса, но в качестве исследовательской категории мы используем понятия «окружающая среда» и «пространство», так как это позволяет включить описание военной и гражданской инфраструктуры, местного населения, антропогенных сфер.

Образ окружающей среды Галиции в индивидуальных нарративах военных медиков

Служебные обязанности врачей и медсестер в условиях Первой мировой войны не ограничивались сугубо медицинской деятельностью. Небывалый масштаб военного конфликта, использование новых средств вооружения, значительное влияние войны на окружающую среду сформировали широкий круг функций и обязанностей медперсонала на фронте, включая дезинфекцию милитаризованного пространства и даже ветеринарные функции.

Прибытие медицинского персонала на оккупированную территорию бывшей австрийской провинции для оказания врачебной помощи военнослужащим и местному населению на первоначальном этапе войны совпадало с логикой быстрого продвижения русских армий по завоеванной территории. В ранних записях преобладает любопытство «туриста», естественный интерес к знакомству с экзотизированной в военной пропаганде местностью. Арямов 19 декабря 1914 г. записал в своем дневнике: *«Сегодня путь был очень интересный: начались горные картины предгорья Карпат. Часто покрытые лесом, преимущественно хвойными деревьями, невысокие горы выглядят очень красиво, среди них разбросаны деревни, хутора – вид очень оригинальный»* (Отечественные архивы 2014, с. 89–103). Еще не соприкоснувшись с работой госпиталей и дезинфекционных отрядов, он описывает свое перемещение по беллигеративным ландшафтам в форме путевых заметок (записок путешественника), используя приемы художественной выразительности и делая основным предметом своего внимания на этапе наступления диковинную для него галицийскую природу. Выпускник Пензенской учительской семинарии при описании своих переживаний воспроизводит романтические каноны художественной литературы довоенного периода. Подобная романтизация галицийской природы была одинаково характерна и для медиков, и для рядовых комбатантов [Likhacheva 2023, p. 603–616].

В дневнике Кравкова одно из первых описаний природы в 1914 г. связано с сюжетом перехода границы между Российской империей и Галицией: *«Дружный хор галок, крик гусей и уток, быстрый поток ручьев после вчерашнего дождя... Казалось, что и природа ликовала с нами перед перспективой быть скоро за границей. Но вот мы только около 3 часов дня и у пограничного кордона, межевых знаков, проехали нейтральную зону и вступили в австрийскую землю – Червонную Русь-Галицию»* (Кравков 2014, с. 45). При описании перехода на бывшую вражескую территорию, в чуждую природную среду, литературные метафоры сменяются распространенным в русофильской публицистике пропагандистским штампом «Червонная Русь», кроме того, автор использует стратегию антропоморфизации природных сил, с помощью которой демонстрирует идентификацию собственного душевного состояния с галицийским ландшафтом.

Интересно, что литературные эпитеты и метафоры при описании природы возвращаются в нарратив медиков уже в форме переработанных воспоминаний. К примеру, А.А. Зарубин усиливает эффекты описания воздействия химического оружия на природные объекты с помощью противопоставления естественных и антропогенных явлений: «Мы ехали дальше, и я должен был согласиться со своим ментором – ближе к позиции все листья были “подпалены” ядовитым “дымком” и леса стояли, как в осеннем уборе. Но это была не осень, а химический ожог листьев крепким хлором» (Архив военно-медицинских документов. Зарубин). Контрастность природного цикла и уничтожающего человеческого вмешательства демонстрирует читателю противоестественность нового вида оружия.

Деятельность медицинского персонала, направленная на создание благополучной санитарно-гигиенической ситуации в Галиции, являлась частью освоения оккупированной территории, поскольку предполагала ликвидацию разрушений и последствий вооруженного столкновения. По прибытии к месту службы Краузе узнает, что фронт работ врача дезинфекционного отряда гораздо шире, чем он представлял, и не ограничивается только обеспечением медицинской помощью военных подразделений: «5 июля 1915 г. ... Однако, когда я заикнулся было о нашей роли “наблюдать в санитарном отношении за путями снабжения армии” (как нам указывал в Бродах Сахаров), он достаточно определенно указал мне “не наблюдать, а дезинфицировать по указаниям санитарного врача корпуса”» (Краузе 2013, с. 106). «Коммунальная» очистка населенных пунктов Галиции от последствий войны занимает в нарративах медперсонала значимую роль как пример работы с пространством, создания благоприятных условий для жизни и здоровья: «13 июля 1915 г. ... Он здесь пока должен заботиться об очистке горда и приведении его всех мест в приличный вид» (Краузе 2013, с. 111).

Представление о повышенной эпидемиологической опасности в Галиции требовало реализации разнообразных мер, направленных на комплексное уничтожение потенциальных угроз. В письмах Краузе сообщает сведения о масштабах дезинфекционных процессов, в которые попадали как технические сооружения для нужд армии, так и жилища и хозяйства местного населения: «7 июля 1915 г. ... только что мы стали засыпать, как за нами прислал корпусной врач, предписал провести у него в порядок отхожие места!» (Краузе 2013, с. 106), «...произвести там тщательную дезинфекцию в четырех хатах, в которых среди местного населения было на днях четыре случая холеры» (Краузе 2013, с. 108). Природные и антропогенные среды подвергались различным методам воздействия медиков в зависимости от степени загрязнения и эффективности предшествующих мер, вплоть до окончательной ликвидации объ-

ектов: «5 июля 1915 г. ...Близко подойти нельзя, смердит отчаянно. Деревянное зданье, стоящее на столбах. Все отбросы просто бросались в люк, а кровь стекала на землю. Несмотря на обилие неоднократно примененной извести, земля насквозь пропитана гниющими массами и зловонием! Хотим сжечь до основания» (Краузе 2013, с. 107).

По мере продвижения по Галиции и развития военных действий деятельность врачей начинает определяться окружающей средой территории, искащенной техногенным вмешательством. Особенности климата, почвы, неконтролируемый доступ солдат к «подножной» пище вызывали опасения медиков, воспринимались как объективная угроза, не менее значимая, чем реальный вооруженный враг. Общими рамками описания завоеванной территории выступает образ Галиции как «грязной» во всех отношениях провинции. Оценивая условия среды еще в августе 1914 г., Кравков опирается на свой богатый предшествующий опыт и перспективно моделирует в своих дневниковых записях грядущие опасности и причины появления заболевших: «Люди измучены, впереди еще много трудностей, предстоит проходить по опустошенным загрязненным местам с загаженными источниками воды, люди в долгом ожидании горячей пищи удовлетворяют чувство голода незрелыми яблоками и грушами!» (Кравков 2014, с. 32). Загрязнение местности является прямым следствием начавшихся военных действий и представляет эпидемиологическую угрозу армии: «Массы разбросанных австрийских снарядов со снарядами ящиками. Часа через два прибыли в погоревший и разрушенный Туробин, представляющий собой большую часть одни торчащие трубы, головешки, почерневшие столбы, груды пепла и мусора» (Кравков 2014, с. 43).

В декабре 1914 г. Арямов также включает в свой военный травелог описание новых населенных пунктов, где наряду с позитивным впечатлением от австрийской городской инфраструктуры в целом подчеркивает неудовлетворительное ее состояние в условиях войны: «Приехали в Ржешов. ...Город не очень большой, хороший, с мостовыми и тротуарами... Сейчас город чрезвычайно загрязнен: на улицах такая грязь, что трудно пройти» (Отечественные архивы 2014, с. 89–103); «Кросно – маленький городок, очевидно, был чистеньким, с хорошими зданиями. Сейчас совершенно загажен и разгромлен, отчасти вследствие обстрела, отчасти усердием солдат, особенно казаков (здесь много говорят об их грабежах)» (Отечественные архивы 2014, с. 89–103). Письмо Краузе от 5 июля 1915 г. еще более усиливает этот образ противопоставлением с восхвалением европейских стран в русской довоенной публицистике: «Но, Боже, что за грязная страна эта “заграничная” Галиция!» (Краузе 2013, с. 106). При этом «грязь» абсолютизируется и не категоризируется авторами как проявление профессиональной сферы: из конкретной

эпидемиологической угрозы она превращается в угрозу экзистенциальную.

Особой темой в нарративах медиков выступает взаимодействие с местным населением оккупированных территорий как неотъемлемой части окружающей среды. В эго-документах медиков наблюдается условное деление пространства на места расположения войск, где санитарные условия характеризуются как вполне удовлетворительные: «5 июля 1915 г. ...осматривали все стоянки частей войск. Оказалось, что там, где стояли части нашего корпуса, было чисто убрано, все приспособления и удобства согласно правилам и предписаниям» (Краузе 2013, с. 106), и пространство жизни гражданского населения Галиции, где процветает антисанитария: «5 июля 1915 г. ...Что делается на задворках! Колодцы рядом, совсем рядом с переполненными отхожими местами! А баня! Внутри гадость, грязь, а все воды стекают без всяких даже канав просто так, по дворам, по лужкам!.. Вониче издали!» (Краузе 2013, с. 107). С учетом медиализации дискурса, профессиональной специализации авторов, язык нарратива конструирует метафоры «сильного» и «слабого» сообщества через природные условия. Использование данного противопоставления отражает конкретные исторические, политические и социальные контексты и сформированный шаблон восприятия Галиции, маркирующий провинцию как «слабую» или «большую».

Воображаемое картографирование причин болезней, их интенсивности, а также отношение к больным происходило у военных врачей по линии этнической принадлежности жителей Галиции. По отношению к многочисленному еврейскому населению распространяются традиционные для русской армии стереотипы повышенной эпидемиологической опасности, исходящей не только от жителей, но и от самой природы их поселений. Поэтому возникновение эпидемий здесь описывается буднично и скупно: «...холера усиливается. Сегодня среди местного населения (бедный еврейский квартал) было уже 8 случаев» (Краузе 2013, с. 116). Напротив, этот же автор более чем эмоционально представляет своему корреспонденту страдания «родственных по природе» русинов: «И еще семь галичан – угро-руссов с Карпат: старуха-мать со всеми признаками цинги, молодой красивый отец семейства, истощенный, с горящими глазами, с начинающимся стоматитом, и его жена, совсем ослабевшая от голода, не в состоянии стоять, лежащая на земле в каком-то пароксизме!.. Уже целую неделю у нее сильные боли в животе и груди, позывы на рвоту, слюнотечение, полное истощение сил... Муж ее возил куда-то, показывал какому-то военному доктору. Он мне показал прописанные порошки – салициловой натр! Лечить голодание салицилкой! Нет, Шуточка, до этого я не дойду. У меня совесть есть» (Краузе 2013, с. 162).

Масштабные задачи, структурные дефициты, невозможность противостоять эпидемиологиче-

ским угрозам в чуждой местности обуславливали среди медиков постепенное распространение особого вида профессионального цинизма. В отличие от комбатантов-военнослужащих, выражающих в своих нарративах в случаях гибели лошади сочувствие и сожаление, трупы павших животных в нарративах врачей воспринимаются лишь как угроза для распространения инфекций, происходит замена эмоциональных категорий сугубо профессиональными: «21 декабря 1914 г. Красно... Самое тяжелое впечатление производят трупы павших лошадей, которые валяются на дороге, и нередко по их головам едут повозки. И жестоко, и антисанитарно, и ведь нетрудно было бы их убрать» (Отечественные архивы 2014, с. 89–103). Надлежащая утилизация останков, в том числе человеческих, диктуется не моральными или сакральными целями, а описывается все в тех же категориях санитарной очистки пространства: «16 августа 1914 г. “массы павших трупов, как еще хранит нас Господь от всяких эпидемий, но думается – быть беде!”» (Кравков 2014, с. 32), «12 апреля. Начался сыпной тиф. Число случаев пока небольшое, но, принимая во внимание санитарную обстановку, можно ждать серьезных событий: совершенно зараженные **всяческими** трупами реки...» (Отечественные архивы 2014, с. 89–103). Примечательным видится тот факт, что профессиональный взгляд медиков не разделяет в массе останков трупы людей и животных, приписывая им в целом статус эпидемиологической угрозы.

Описание окружающей среды Галиции в нарративах женщин-медиков частично совпадает с «мужским» взглядом, но имеет одно принципиальное различие. Столь же вездесущей в дневнике сестры милосердия Фармборо выступает грязь наряду с неграмотностью солдат: «30 апреля 1915 г. ...наш незначительный запас белья постоянно использовался, а грязь из-за пыльных дорог и нечистых апартаментов была катастрофической, не говоря уже о постоянных спутниках солдата – вшах, которые, несмотря на свой малый размер, более всего досаждали на фронте» (Фармборо 2014, с. 41). Отсутствие описаний полномасштабной дезинфекции пространства как способа контроля и освоения территории, традиционных для мужских нарративов, объясняется профессиональным функционалом сестер милосердия. В условиях полевого госпиталя практика обеззараживания упоминается исключительно как стандартная процедура обработки помещений после больных: «9–30 мая 1915 г. ... Как только помещение было очищено от больных, солома и объедки больных были сожжены, а сараи, в которых они лежали, были обработаны сильным дезинфицирующим раствором» (Фармборо 2014, с. 52). Они не приобретают вид тотальной практики.

Совершенно стереотипным для данного вида источников является повышенная эмоционализа-

ция описаний медицинского опыта женщинами. В мужских нарративах романтические каноны литературы быстро сменяются утилитарными текстами и по стилю становятся похожими на историю болезни, где в качестве пациента выступает окружающая среда, проживающее в ней население и вторгшиеся в это пространство русские армии. В нарративах же сестер милосердия художественные формы интерпретаций не поддаются вытеснению темпоральностью и логикой войны. В своем дневнике Фамборо восклицает: «30 апреля 1915 г. ...Какая чудовищная сцена меня окружала!.. Воспаленные небеса рассказывали свою печальную историю. Мы чувствовали отчаяние жителей горящих городов и сел» (Фармборо 2014, с. 39). Антропоморфизированная природа как жертва войны удостаивается столь же поэтического описания и у Захаровой: «В природе не было и следа былой радости. Точно она преждевременно состарилась от впитанной части человеческого горя» (Захарова 1915, с. 57).

Выводы

Медицинский взгляд на окружающую среду оккупированной в годы Первой мировой войны русскими армиями австрийской провинции Галиция был обусловлен сформированным в довоенный и начальный военный период горизонтом ожиданий данной профессиональной группы. Колониальный характер представлений об отсталой и даже опасной в эпидемиологическом отношении местности обуславливал стратегии санитарной культивации окружающей среды и ее населения. Маркировка местности как опасной, природы и населения как угроз жизни и здоровью различным категориям во-

еннослужащих русской армии формировали представление о необходимости контроля над территорией посредством повсеместной дезинфекции.

Взаимодействие медиков с военизированными ландшафтами Галиции носило амбивалентный характер. С одной стороны, природные условия являлись важнейшим фактором деятельности врачей и сестер милосердия: особенности климата, почвы и воды определяли их деятельность по медицинскому обеспечению фронта, оккупированных областей и прифронтовой территории. С другой стороны, основанные на конструировании негативного образа чуждой природы противоэпидемиологические практики оказывали непосредственное воздействие на состояние окружающей среды: дезинфекция источников воды, почвы и воздуха, распространение санитарной и гигиенической инфраструктуры.

Накопленный опыт взаимодействия медиков и окружающей среды был затем транслирован на природные зоны внутри Российской империи, а позже – на дискуссии о подготовке к новому вооруженному конфликту. К примеру, профессор Д.К. Заболотный (1886–1929 гг.), назначенный в 1915 г. главным эпидемиологом русской армии и занимавший организацию санитарно-гигиенической службы в Галиции, в 1920 г. уже в Советской России создал первую в мире кафедру эпидемиологии. И хотя межвоенные экспертные публикации медицинского персонала всех стран-участниц излагали историю безусловного профессионального успеха на фоне военного поражения, непосредственные военные нарративы позволяют выявить конфликтные линии и расширить наше знание о повседневности оккупационного опыта.

Материалы исследования

Архив военно-медицинских документов. Зарубин – *Архив военно-медицинских документов*. Зарубин А.А. Воспоминания о первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войне.

Захарова 1915 – Захарова Л. Дневник сестры милосердия: На передовых позициях. Библиотека «Великой войны», 1915. 173 с.

Кравков 2014 – *Кравков В.П.* Великая война без ретуши: записки корпусного врача / тайный советник В.П. Кравков. Москва: Вече, 2014. 414 с.

Краузе 2013 – *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой / отв. ред. Л.А. Булгакова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 332 с.

Отечественные архивы 2014 – *Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне*. 1914–1915 гг. // *Отечественные архивы*. 2014. № 3. С. 89–103.

Фармборо 2014 – *Фармборо Ф.* Первая мировая война: дневники с фронта. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 400 с.

Библиографический список

Kreuder-Sonnen, Renner 2013 – *Kreuder-Sonnen K., Renner A.* Einleitung: Gesellschaft, Kultur und Hygiene in Osteuropa. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61, Heft 4, S. 481–488. DOI: <https://doi.org/10.25162/jgo-2013-0031>.

Likhacheva 2023 – *Likhacheva A.* Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 603–616. DOI: <http://doi.org/10.15826/qv.2023.2.808>.

Sontag 1978 – *Sontag S.* Illness as Metaphor // *The New York Review of Books*. 1978. Vol. XXIV, nos. 21&22. 90 p. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/1978/01/26/illness-as-metaphor>.

Александров, Брюггемайер, Лайус 2008 – Человек и природа: экологическая история / под ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. Москва: Алетея, 2008. 372 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004038248/?ysclid=loe2rfaxha210760033.

Асташов 2021 – *Асташов А.Б.* Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годах: социально-экологический анализ // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2 (53). С. 27–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilizatsiya-i-sanitariya-v-tylu-russkoy-armii-v-1914-1918-godah-sotsialno-ekologicheskii-analiz?ysclid=loe0dwx0rh296228905>.

Будко и др. 2006 – *Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В.* / гл. ред. И.Ю. Быков. История военной медицины России. Т. 3. XIX – начало XX в.. Санкт-Петербург: ВМедА, 2006. 688 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22861726>. EDN: <https://elibrary.ru/tghjfn>.

Радкау 2014 – *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем., сост. указ. Н.Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с. URL: <https://massolit.site/book/priroda-i-vlast-vsemirnaya-istoriya-okruzhayuschej-sredi?ysclid=loe2eduts5440873653>.

References

Kreuder-Sonnen, Renner 2013 – *Kreuder-Sonnen K., Renner A.* (2013) Einleitung: Gesellschaft, Kultur und Hygiene in Osteuropa. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61, Heft 4, S. 481–488. DOI: <https://doi.org/10.25162/jgo-2013-0031>.

Likhacheva 2023 – *Likhacheva A.* (2023) Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no. 2, pp. 603–616. DOI: <http://doi.org/10.15826/qr.2023.2.808>.

Sontag 1978 – *Sontag S.* (1978) Illness as Metaphor. In: *The New York Review of Books*, vol. XXIV, Nos. 21&22, 90 p. Available at: https://monoskop.org/images/4/4a/Susan_Sontag_Illness_As_Metaphor_1978.pdf.

Aleksandrov, Bryuggemajer, Lajus 2008 – *Aleksandrov D., Bryuggemajer F.-J., Lajus Yu.* (Eds.) (2008) Man and Nature: An Ecological History. Moscow: Alateya, 372 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004038248/?ysclid=loe2rfaxha210760033. (In Russ.)

Astashov 2021 – *Astashov A.B.* (2021) Mobilization and Sanitation at the Russian Army Home Front in 1914–1918: Socio-Ecological Analysis. Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya), no. 2 (53), pp. 27–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilizatsiya-i-sanitariya-v-tylu-russkoy-armii-v-1914-1918-godah-sotsialno-ekologicheskii-analiz?ysclid=loe0dwx0rh296228905>. (In Russ.)

Budko, Bykov, Selivanov, Chizh, Shabunin, Bykov (Ed.) 2006 – *Budko A.A., Bykov I.Yu., Selivanov E.F., Chizh I.M., Shabunin A.V., Bykov I.Yu.* (Ed.) (2006) History of military medicine in Russia. Vol. 3. XIX – early XX centuries. Saint Petersburg: VMedA, 688 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22861726>. EDN: <https://elibrary.ru/tghjfn>. (In Russ.)

Radkau 2014 – *Radkau J.* (2014) Nature and power. A global history of the environment: translation from German, indexing *Shtilmark N.F.; introductory article Obertrays Yu.* Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 472 p. Available at: <https://massolit.site/book/priroda-i-vlast-vsemirnaya-istoriya-okruzhayuschej-sredi?ysclid=loe2eduts5440873653>. (In Russ.)